

Известия Южного федерального университета.
Филологические науки. 2022. Том 26, № 3

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Научная статья
УДК 811.161.1
ББК 81.411.2
DOI 10.18522/1995-0640-2022-3-10-20

В.И. ДАЛЬ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРЕДВИДЕНИЯ

Елена Николаевна Бекасова

Оренбургский государственный педагогический университет,
Оренбург, Россия

Аннотация. Почти полувековое собрание территориально и функционально разнообразного лексикографического материала позволило В.И. Далю определить своеобразие языковой ситуации и основные направления развития русского языка в условиях междиалектных и межъязыковых взаимодействий. В этом плане показательны филигранные лингвистические наблюдения В.И. Даля за разнообразием оренбургских говоров, которые подтверждаются современным уровнем изучения диалектов территорий позднего заселения, включая исследования в области интерференции, контактирования и специфики проницаемости русских говоров.

Ключевые слова: *В.И. Даль, территория позднего заселения, языковая ситуация, Оренбуржье, вторичные говоры, оренбургские русские говоры, казачьи говоры*

Для цитирования: *Бекасова Е.Н. В.И. Даль: лингвистические предвидения // Известия ЮФУ. Филол. науки. 2022. № 3. С. 10 – 20.*

Original article

V.I. DAHL: LINGUISTIC FORESIGHT

Elena N. Bekasova

Orenburg state pedagogical university, Orenburg, Russia

Abstract. More than half-century collection of geographically and functionally diverse lexicographic material on the territory of the Russian Empire allowed V.I. Dahl to determine the peculiarity of the language situation and the main directions of the development of the Russian language in the relationship between the interaction of inter-dialect and foreign-language interactions, largely correlated with the achievements of modern linguistics. Particularly significant in this regard are the comments of V.I. Dahl on the formation and development of secondary dialects in the vast territory of the Orenburg province, where the post of assistant to the Orenburg military governor allowed him to directly observe the features of Orenburg dialects, which are formed in isolation from maternal dialects in direct contact with the dialects of more than twenty provinces of the Russian Empire and in the neighborhood with Turk and Finno-Ugric languages. At the same time, V.I.

Dahl notes the specifics of Cossack dialects, due to the status of the Cossacks in the border territories, as well as gender and socially significant differences in the speech of Cossacks and Cossacks. Filigree linguistic observations of V.I. Dahl on the variety of Orenburg dialects at the stage of their formation and development have scientific significance not only in historical terms, but also to a certain extent correlate with the modern level of studying dialects of late settlement territories, including studies in the field of interference, contact and specificity of the permeability of Russian dialects.

Keywords: *V.I. Dahl, Orenburg region, territory of late settlement, language situation, secondary dialects, Orenburg Russian dialects, Cossack dialects*

For citation: *Bekasova E.N. V.I. Dahl: Linguistic Foresight // Proceedings of Southern Federal University. Philology. 2022. № 3. P. 10 – 20.*

Введение

Юбилейные даты становятся отражением превратностей нашего времени: за официальной, надуманностью и сиюминутностью нередко неосновательных поводов постепенно отходит главное в торжествах – вновь прикоснуться к великому, пристально взглянуть на него, осознать значимость очередного продвижения человечества, народа и личности. Более того, обязательной частью «юбилейности» становится то, чему был поставлен диагноз ещё А.С. Пушкиным, – некая радость толпы «унижению высокого, слабостям могущего» [Пушкин, 2005, с. 592] в выщелкивании «жареных» фактов личной жизни юбиляра.

Однако Далевские юбилеи другие, вероятно, потому, что личность В.И. Даля неразрывно слилась с его главным трудом – «Толковым словарём живого великорусского языка», который в своей всеобъемлемости стал символом русской самобытности. Сложно ощущать какие-то даты автора, когда его детище осязаемо каждодневно – достаточно протянуть руку к страницам, в том числе и бронзовым страницам первого издания Словаря, которому поставлен памятник в г. Оренбурге, где В.И. Даль, резко изменив свою судьбу, в течение восьми лет исполнял обязанности чиновника особых поручений при оренбургском военном губернаторе В.А. Перовском. Такая должность позволяла реально познакомиться с огромной территорией Оренбургской губернии, включавшей земли Оренбургской комиссии, Астраханской губернии, Уфимской провинции, части Казанской губернии, Исетской провинции Сибирской губернии, Уральского казачества – современные территории Оренбургской, Самарской, Челябинской, Свердловской, Курганской, Пермской, Тюменской областей; Башкортостана, части Татарстана, Северного и Западного Казахстана [Атлас, 2007].

В круг обязанностей чиновника В.И. Даля входило исследование обширного края [Матвиевская, Зубова, 2007], поэтому в многочисленных экспедициях он в течение 8 лет не только собирал соответствующие «областные» слова, но и наблюдал реальные процессы и результаты контактирования народов в их постоянном движении в поисках новой родины или оседлости. Следует подчеркнуть, что в дальнейшем собранный на разных территориях Российской империи территориально и функционально разнообразный лексикографический материал позво-

лял ему не только выявить сходства и различия русских «наречий», но и осмыслить их специфику, включая первые наблюдения за говорами Оренбургской губернии. Это обусловило цель данной статьи, которая заключается в определении значимости описания В.И. Даля особенностей оренбургских русских говоров с учётом современных исследований говоров территорий позднего заселения. Такой подход к наследию В.И. Даля как лексикографа представляется нам важным в связи с тем, что автор «Толкового словаря живого великорусского языка», которому он «отдал все силы свои, все время и глаза», вынужден был уже при своей жизни отвечать на обвинения о введении «слов и речей» «вымышленных, или по крайней мере сомнительного свойства» [Даль, 2000, с. ХСІV]. В.И. Даль понимал, что «приговор», «напраслина», «легкомысленно кинутое слово», «прямое обвинение» [Даль, 2000, с. ХСІV–ХСІVІ] могут опорочить «труд целой жизни человека» и оставить некий флёр надуманности и неистинности собранных сокровищ родного языка. К сожалению, до сих пор, особенно «под юбилей», порядочность и лингвистическая состоятельность В.И. Даля несправедливо подвергаются в некоторых случаях сомнению как в научном, так и в быденном сознании (см. подробнее: [Бекасова, 2012]), без поправки на время, уровень развития языкознания, а главное – без понимания значимости феномена В.И. Даля в науке и русской общественной мысли.

Исследование и его результаты

Считаем необходимым отметить, что территории говоров позднего заселения попадают в сферу внимания учёных только во второй половине XX в. В частности, Л.И. Баранникова, заложившая теоретические основы изучения вторичных русских народных говоров, представила не только исчерпывающую и сохраняющую актуальность классификацию говоров территорий позднего заселения, но и указала собственно лингвистические и экстралингвистические факторы их формирования и развития в условиях повышенной проницаемости диалектных систем вследствие «интенсивных междиалектных, а часто и межъязыковых контактов» [Баранникова, 2005, с. 192].

Определённое запоздание с системным изучением говоров территорий позднего заселения отразилось на уровне их «материальной» базы и качестве описания, требующего учёта разнообразных факторов, влияющих как на формирование и развитие вторичных систем, так и на их разрушение. В связи с этим говоры территорий позднего населения, даже в условиях интенсивного их изучения, представляют некую лауну в русской диалектологии. Следует согласиться с мнением Т.Е. Баженовой о том, что любое исследование систем вторичных говоров обладает актуальностью, обусловленной «значимостью сведений о своеобразии русских народных говоров на периферийных территориях» [Баженова, 2017, с. 9].

В этом плане лингвистический ландшафт Оренбуржья является одним из самых интересных и до сих пор мало изученных (подробнее см.: [Моисеев, 2005; Абубакирова, 2011; Мызников 2010; Бекасова, 2022]).

Многовековые интенсивные миграционные процессы и контактирование различных этносов отпечатались не только в археологических памятниках и географических названиях, но и изначально были свойственны обширной Оренбургской губернии, а затем были унаследованы Оренбургской областью, для которой и в настоящее время характерны полиэтничность, поликонфессиональность, малая плотность населения, усиленная миграционная подвижность, протяжённая пограничная линия и тесные этноязыковые контакты [Bekasova, 2018].

Можно с полным правом утверждать, что именно в Оренбуржье В.И. Даль приобрёл первый опыт анализа специфики языковой ситуации, наблюдая процессы активной интерференции языковых единиц при формировании вторичных оренбургских русских говоров. Следует подчеркнуть, что в период своего пребывания в Оренбургской губернии В.И. Даль мог реально наблюдать интенсивные процессы складывания переселенческих говоров на разном диалектной основе в условиях междиалектных, а также межъязыковых контактов, поскольку после указа 1832 г. шло массовое заселение приграничных земель Оренбуржья государственными крестьянами, как отмечает Б.А. Моисеев, «преимущественно из центральных губерний России (Тульская, Калужская, Рязанская, Смоленская), южных (Курская, Орловская, Белгородская, Тамбовская, Пензенская) губерний, а также с Украины и из Белоруссии, с территории донских и уральских казаков» [Моисеев, 2017, с. 7].

Краткая характеристика В.И. Далем лингвистического ландшафта Оренбургского края достаточно исчерпывающе описывает отсутствие «общего наречия», которое ещё не могло сформироваться у русских переселенцев «второй волны» в отрыве от материнских русских говоров в соседстве с «инородцами, большею частью кочевыми» [Даль, 2000, с. LXXIII]. При этом В.И. Даль указывает на наличие «некоторых особенностей» формирующихся систем вторичных говоров не только на примере Оренбургской, но и Саратовской губерний, которые в определённой степени характеризуются сходством языковой ситуации с приходом в XIX в. «выходцев двадцати губерний» [Даль, 2000, с. LI]. В.И. Даль подчёркивает развитие говоров переселенцев на базе уже известных говоров, которые вслед за Л.И. Баранниковой следует отнести или к говорам исконного (первичного) заселения, или говорам первого типа – ранним переселенческим говорам XVI–XVII вв. [Баранникова, 2005, с. 194].

В.И. Даль чётко определяет стадии формирования наблюдаемых им переселенческих говоров: «довольно легко, по наречию, узнавать происхождение переселенцев» [Даль, 2000, с. LI] старшего поколения, но после ухода стариков «молодое поколение исподволь привыкает к говору местному, особенно же если селение сбродное, из переселенцев разных мест, и молодёжь между собой освоилась и свыклась» [Там же].

Отмеченные В.И. Далем этапы формирования вторичных говоров подтверждаются исследованиями современных диалектологов и дают основание определять уровень проницаемости диалектных систем и ин-

тенсивность процессов интерференции. В частности, крупнейший специалист в области русских оренбургских говоров Б.А. Моисеев на основе архивных материалов и своих полевых исследований приводит примеры «многочисленных и разнообразных взаимодействий между говорами и языками» [Моисеев, 2017, с. 7]. В частности, Б.А. Моисеев отмечает специфику формирования вторичных говоров и их взаимодействие на территории Самарской дистанции, заселённой ещё в первой половине XVIII в. носителями севернорусских говоров Владимирско-Поволжской группы. В XIX в. на земли по реке Самара «нахлынули в большом количестве переселенцы из центра и с юга России и основали многочисленные сёла, деревни, хутора» [Моисеев, 2017, с. 8], в результате чего бытовавшее в течение века «оканье постепенно было вытеснено аканьем и яканьем» новосёлов, чему способствовало также то обстоятельство, что «Самарскую дистанцию сравнительно рано упразднили; служивые казаки были переведены отсюда на другие участки Оренбургской пограничной линии, а оставшиеся здесь отставные солдаты и казаки постепенно вымерли» [Там же]. По исследованиям Б.А. Моисеева, аналогичная ситуация складывалась и в других поселениях Оренбуржья, например, на территориях современных Илекского, Соль-Илекского, Сорочинского и др. районов.

Отмеченная В.И. Далем значимость экстралингвистических причин подтверждается данными современной языковой ситуации на территории Оренбуржья, что в настоящее время проявляется не столько в междиалектном взаимодействии при формировании или развитии вторичных говоров, сколько в возникшей в результате этого неустойчивости и проницаемости систем, которые способствуют разрушению сложившихся говоров, особенно в условиях значительного уменьшения сельского населения, отсутствия его стабильного состава и приходом новых переселенцев, чаще всего из так называемого ближнего зарубежья, а также экспансии литературного языка [Бекасова, 2014; Bekasova, 2018].

Особо следует отметить позицию В.И. Даля в отношении диалектов и литературного языка: «Образованность и просвещение сглаживают постепенно различие наречий, проходя повсюду с уровнем своим, языком письменным» [Даль, 2000, с. LVI]. Действительно, современные исследователи говоров территорий позднего заселения наиболее значимым в их разрушении признают влияние литературного языка, однако это касается прежде всего поздних переселенческих говоров, т. е. периода XX в., когда литературный язык занимает основное положение в стратификации русского языка. В.И. Даль, отмечая значимость литературного языка в сближении наречий второй трети XIX в., делает весьма существенные уточнения в соотношении страт функциональной парадигмы русского языка. Так, он указывает, что влияние литературного языка наблюдается «около набродного и отчасти грамотного населения средних сословий, около людей, вскормленных острием пера, повитых в гербовом листе, что изменяет несколько и выравнивает местный го-

вор, образуя в то же время особенное наречие, известное под название *приказного*» [Даль, 2000, с. LVI]. Безусловно, речь идёт о разновидностях просторечия и языковой личности, которая в условиях своей профессиональной деятельности и социального положения в той или иной степени утрачивает некоторые особенности своего говора и приобретает другие явления, связанные с неполным вхождением диалектоносителя в сферу городского просторечия и даже литературного языка. Именно такой процесс отмечает Л.И. Баранникова для переселенческих говоров того периода, который попал в поле языковых интересов В.И. Даля. По мнению Л.И. Баранниковой, новым фактором развёртывания вторичных говоров становится их сближение прежде всего с городским просторечием, поскольку «влияние литературного языка ощущается ещё слабо» [Баранникова, 2005, с. 194]. Отсюда происходит и «большая устойчивость говоров среднерусского типа даже там, где они не являлись господствующими» [Там же]. Именно данные говоры в конечном итоге становятся определяющими на территории Оренбуржья.

С другой стороны, В.И. Даль совершенно справедливо подчёркивает, что в других случаях литературный язык практически не затрагивает «наречия простого народа, который по косности своей, всегда и везде удерживает более коренного и самобытного, а по невежеству в деле ученого языковедения, не умничает, не искажает языка, как мы, у которых ум за разум зашел и природное чутье утрачено» [Даль, 2000, с. LVI].

Указания на «сглаживание» говоров в результате переселенческих процессов (в том числе и в город), ухода на заработки, когда утрачиваются «надолго, если не навсегда сильные следы наречия» [Даль, 2000, с. LV], сопровождаются у В.И. Даля замечаниями о социальных и гендерных особенностях говоров.

В этом плане наиболее показательны казачьи говоры, особенно «язык *уральских казаков*», который хотя «и нельзя назвать особым наречием, но у них много особенных выражений и оборотов, и говор их так отличителен, что уральца всюду узнать можно с первых слов... Это говор, о котором почти нельзя определить, по которому из двух главных наречий, на *о* или *а*, он принадлежит; происхождение его от безымянной вольницы, которая на каспийском взморье дуваны дуванила; к ней приселена была стрелецкая дружина, да впоследствии донцы» [Даль, 2000, с. LXXIII].

Следует уточнить, что оренбургское казачество изначально относилось к так называемым «окальщикам». Этот факт отмечает известный диалектолог, фольклорист и этнограф Д.К. Зеленин, описавший говор казаков пос. Благодословенного Оренбургской станицы и соседнего пос. Нежинка [Зеленин, 1905, с. 237]. Б.А. Моисеев также утверждает, что Оренбургская пограничная линия охранялась выходцами из территорий «Средней Волги, где были распространены в прошлом и бытуют сейчас северно-великорусские говоры» [Моисеев, 2017, с. 7]. Казачий говор характеризовался как умеренным, так и полным оканьем, например, у переселённых в станицу Буранную казаков «из упразднённой

Красноуфимской станицы, которая находилась в Пермской губернии» [Там же]. Однако впоследствии в эту станицу были высланы за беспорядки донские акающие казаки – и «началось длительное взаимодействие акающего и окающего говоров, которое привело к тому, что оканье было вытеснено из устной речи, яканье тоже исчезло. Говор станицы приблизился к средневеликорусскому» [Там же]. Наблюдалось и другое развитие процессов междиалектного взаимодействия, например, в станице Сакмарской, основанной «в 1725 г. уральскими (яицкими) казаками для несения охранной сторожевой службы. В говоре уральцев оканье отсутствовало. Когда же с 1735 г. началось сооружение Оренбургской пограничной линии, то в соседстве с Сакмарским городком возникли посёлки оренбургских казаков, в говоре которых было оканье. С течением времени под влиянием соседних говоров и в говоре станицы Сакмарской распространилось оканье» [Моисеев, 2007, с. 9].

Видимо, в этих обстоятельствах В.И. Даль оценивал речь казаков, отмечая, с одной стороны, неопределённость их «наречий, на *о* или *а*», а с другой – общность лексического состава, которая была обусловлена особенностями жизни казачества и спецификой самосознания служивого, но вольного человека.

В 1905 г. высокий статус казачьих говоров на территории Оренбургской губернии был также отмечен Д.К. Зелениным: «в говоре казаков вообще сознательные принципы действуют сильнее, нежели в говоре крестьян. Казаки считают себя “образованными”; на крестьян – “мужиков” они смотрят, как на низшую расу, и для отличия от этой низшей роли готовы даже сознательно коверкать свой язык, как то и делают уральские казачки, жеманничая произношением *знаю* (=знаю). Казачий говор мог быть избран образцом для подражания уже по одному тому, что это казачий говор. Новоиспечённые казаки... переняв казачий говор, тем самым сразу становились – в глазах самих себя и соседей – настоящими казаками» [Зеленин, 1905, с. 235–236].

Другой «сценарий» междиалектных отношений, когда казачий говор не подавляет, а, наоборот, становится причиной сохранения исходной основы крестьянского говора, описывает Б.А. Моисеев: крестьяне из Саратовской губернии, основавшие с. Саратовка (Соль-Илецкий район), впоследствии оказались окружёнными казачьими поселениями, при этом «казаки не любили мужиков, называли их обидными и грубыми словами: музлан, музланьё» [Моисеев, 2017, с. 8]. В результате неприязненных отношений саратовцы сохранили особенности своего южнорусского говора.

Жизненному укладу уральского казачества и его особому самосознанию, отражающемуся в языке, В.И. Даль посвятил свой лучший рассказ оренбургского периода – «Уральский казак». Казак «век на службе и в работе», в походах, на рыбьем промысле по всему Уралу, на войне. И везде – «на коне и на пресной воде, но и на море» казак «был как у себя дома» [Даль, URL]. Такая жизнь определяет некое языковое смешение – как междиалектное, так и межъязыковое. Но при этом

В.И. Даль, характеризуя Маркиана Проклятова как крепкого уральского казака, подчёркивает, что он может отступать от многого, в том числе и от своего родного говора, за пределами родного дома, но «на дому» «никогда не употребляет он коренных русских ругательств; и это также можно делать только в командировках и в походах: дома грешно» [Там же].

Особенности уральского говора позволяют В.И. Далю впервые указать на гендерные отличия, которые были присущи казакам и казачкам «не низшего сословия и не всем» [Даль, 2000, с. LXXIV]. В.И. Даль отмечает, что уральский казак не знает грамоты, потому что «ему недосуг», не поёт песен и не рассказывает сказки – это занятие женской половины, по-казачьи, *родительницы*, которые «знают церковную грамоту, служат сами по старопечатным книгам... Главное занятие их: воспитывать ребят в постоянных правилах и обычаях домашнего изуверства, которое, как мы видели, соблюдаясь с неприкосновенною святостию на дому, нарушается без всякого стеснения на службе и вообще вне войсковых пределов» [Даль, URL].

Отмечая фонетические различия речи казаков и казачек, В.И. Даль подчёркивает единство их особого лексикона: «Надобно вам еще сказать, что Маркиана Проклятова, как и всех земляков его, можно узнать по говору; он только слово вымолвит, и сказать ему положительно: "Ты уральский казак". Так же легко узнать по говору хозяйку его, Харитину, и дочерей, Минодору и Гликерию, хотя в говоре, в произношении казаков и родительниц их нет ничего общего. Казак говорит резко, бойко, отрывисто; отмечает языком каждую согласную букву, налегает на *p*, на *c*, на *г*; гласные буквы, напротив, скрадывает: вы не услышите у него ни чистого *a*, ни *o*, ни *y*. Родительницы, напротив, живучи особняком в тесном кругу своем, вечно дома, все без изъятия перенимают друг у друга шепелявить и произносить букву *л* мягче обыкновенного. Они ходят гулять и веселиться на *синчик* в *сѣльковой субенке*, а синчик называется у них первоосенний лед, до пороши, по которому можно скользить в нарядных башмачках и выставлять вперед ножку, кричать, шуметь и хохотать» [Там же].

Заключение

Оренбуржье, которое до сих пор представляет особое «белое пятно» в плане изучения говоров территорий позднего заселения, навсегда запечатлено в знаменитом словаре В.И. Даля и в его первых наблюдениях над неистощимым разнообразием русского диалектного пространства.

Глубокое погружение в систему живого великорусского языка позволило В.И. Далю провидчески оценить сложное переплетение действий экстра- и интралингвистических факторов в сложных процессах формирования и развития особых систем переселенческих говоров, определить их специфические черты, сходства и различия в процессах интерференции языковых явлений в условиях междиалектного и межъязыкового взаимодействия, а также предсказать условия возможного разрушения говоров, первые признаки которого он уже замечал на тер-

ритории Оренбургской губернии. В.И. Даль указал на более высокую степень открытости и проницаемости диалектных систем в отрыве от исходных материнских говоров, которые благодаря старикам-переселенцам ещё были в определённой степени доступны В.И. Далю.

Наблюдения В.И. Даля за разрушением говора в условиях экспансии городского просторечия и отчасти литературного языка в условиях унификации различных сфер и условий человеческой жизни в городе, свидетельствует о понимании стратификации русского языка и чётком разграничении просторечия и диалекта.

Среди оренбургских русских говоров В.И. Даль особо оценивает говоры уральского казачества, характеризуя их гендерную дифференциацию – высокую степень открытости и проницаемости системы говора служивого казачества и некий консерватизм говора женщин-староверок, сохраняющих исконные черты «домашней» речи в переплетении с текстами церковнославянского языка. Однако при этом В.И. Даль утверждает общность разнообразного и богатого лексикона уральского казачества, который является отражением его высокого самосознания и обособленности жизни, что определяет не столько территориальную, сколько социальную характеристику казачьих говоров.

Краткие, но ёмкие замечания В.И. Даля о специфике оренбургских русских говоров и отличительных гендерных и социальных признаках казачьих говоров во многом предвосхитили исследования учёных XX–XXI вв., в том числе касающиеся особенностей существования и функционирования оренбургских русских говоров.

Список источников

Абубакирова Л.Ф. Диалектное изучение русского языка в Оренбургском крае // Вестн. Оренбургского гос. пед. ун-та. 2011. № 4. С. 17–24.

Атлас Оренбургской губернии с прилегающими к ней местами по ландкартам Красильникова и топографии П. И. Рычкова 1755 года: издаётся на средства А. И. Зеленцова Оренбургским отделением Русского географического общества по макету 1880 года / науч. ред. А. А. Чибилев, авт.-сост. С. В. Богданов, отв. секретарь изд. А. А. Соколов, подгот. текста Е. П. Клинков, подгот. картогр. материала С. В. Авраменко. Оренбург: Печ. Дом «Димур» 2007. 16 с.

Баженова Т.Е. Предметно-обиходная лексика самарских говоров // Научный диалог. 2017. № 1. С. 9 – 21.

Баранникова Л.И. Говоры территорий позднего заселения и проблема их классификации // *Баранникова Л.И.* Общее и русское языкознание: избранные работы. М.: КомКнига, 2005. С.192–203.

Бекасова Е.Н. Языковое пространство Оренбуржья. Вгпо: TribunEU, 2022. 254 с.

Бекасова Е.Н. О морфонологической обусловленности образования отглагольных существительных // Науковий вісник університету. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». Вип. 27. Ужгород: Видавництво УжНУ «Говерла», 2012. С. 17–20.

Бекасова Е.Н. Об особенностях формирования и бытования русских говоров Оренбуржья // Интерпретация текста: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты: материалы VII Междунар. науч. конф. (Чита,

ЗабГУ, 5–6 декабря 2014 г.) /сост. Г.Д. Ахматова, Ю.В. Звездина; Забайкальский гос. ун-т. Чита: ЗабГУ, 2014. С. 190–193.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. (2-е изд., 1880–1882 гг.). Т. I. М.: Русский язык, 2000. 702 с.

Даль В.И. Уральский казак // Lib.Ru/Классика: Даль Владимир Иванович: Собрание сочинений [Электронный ресурс] URL: http://az.lib.ru/d/dalx_w_i/text_0130.shtml (дата обращения 11.09.2021).

Зеленин Д.К. О говоре оренбургских казаков // Русский филол. вестн. Т. LVI. № 3–4. 1905. С. 234–245.

Матвеевская Г.П., Зубова И.К. Владимир Иванович Даль в Оренбурге. Оренбург: Изд-во «Оренбургская книга». 2007. 584 с.

Моисеев Б.А. Оренбургская областная диалектологическая хрестоматия: учеб. пособие по русской диалектологии. Оренбург, Изд-во ОГПУ, 2005. 132 с.

Моисеев Б.А. Оренбургский областной словарь / послесл. Е.Н. Бекасовой. Оренбург: Оренбургское кн. изд-во имени Г.П. Донковцева, 2019. 516 с.

Мызников С.А. Русские говоры Оренбуржья в полиэтничном окружении // Вестн. Российского гуманитарного научного фонда. 2010. № 1 (58). С. 187–195.

Пушкин А.С. Собр. соч. в 10 т. Т. 9. Письма 1815–1830. М.: ГИХЛ, 1962. 494 с.

Bekasova Elena N. Peculiarities of Linguistic Worldview Transformation on the Territory of Later Settling // The European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS. WUT 2018 IX International Conference “Word, Utterance, Text: Cognitive, Pragmatic and Cultural Aspects”. VOLUME XXXIX. WUT. 2018. P. 548 – 553.

References

Abubakirova L. (2011) Dialect study of the Russian language in the Orenburg Territory. *Bulletin of the Orenburg State Pedagogical University*, 2011, no. 4, pp. 17-24. (In Russian).

Atlas of the Orenburg province with adjacent places on the Krasilnikov landkarts and topography of P.I. Rychkov in 1755 (2007): published at the expense of A.I. Zelentsov by the Orenburg branch of the Russian Geographical Society according to the 1880 model/scientific. ed. A. A. Chibilev, author S.V. Bogdanov, Secretary ed. A.A. Sokolov, text by E.P. Klinkov, ready. cartographer. material by S.V. Avramenko, Orenburg, Dimur, 16 p. (In Russian).

Barannikova L. (2005) Speakers of late settlement territories and the problem of their classification. L.I. Barannikova. *General and Russian linguistics: selected works*. Moscow, ComBook, Pp. 192-203. (In Russian).

Bazhenova I. (2017) Subject-everyday vocabulary of Samara dialects. *Scientific dialogue*, № 1, pp. 9-21. (In Russian).

Bekasova E.N. (2022) Language space of Orenburg region. *Brno: TribunEU*. 254 p. (In Russian).

Bekasova E. (2012) On the morphological conditionality of the formation of echo nouns. *Science University. Series “Philology. Social Communications”* Vol. 27, Uzhgorod, pp. 17-20. (In Russian).

Bekasova E. (2014) On the peculiarities of the formation and existence of Russian dialects of the Orenburg region. *Interpretation of the text: linguistic, literary and methodological aspects: materials of the VII International Scientific Conference* (Chita, Tr-BSU, December 5-6, 2014), comp. G.D. Akhmatova, Yu.V. Zvezdina, Trans-Baikal state university. Chita, Pp. 190-193. (In Russian).

Bekasova E. (2018) Peculiarities of Linguistic Worldview Transformation on the Territory of Later Settling. *The European Proceedings of Social and Behavioural Sciences* EpSBS. WUT 2018 IX International Conference "Word, Utterance, Text: Cognitive, Pragmatic and Cultural Aspects", vol. XXXIX, WUT, pp: 548-553. (In Russian).

Dal V. (2000) *An interpretive dictionary of the living Great Russian language*: In 4 volumes (second edition, 1880-1882), vol. I, Moscow, Russian Language, 702 p. (In Russian).

Dal V. *Ural Cossack*. Lib.Ru, Classics, Dal Vladimir Ivanovich: Collected works [Electronic resource] Available at: http://az.lib.ru/d/dalx_w_i/text_0130.shtml (accessed 11.09.2021).

Matvievskaya G., Zubova I. (2007) *Vladimir Ivanovich Dahl in Orenburg*. Orenburg, Publishing House "Orenburg Book", 584 p. (In Russian).

Moiseev B. (2005) *Orenburg regional dialectological textbook (textbook on Russian dialectology)*. Orenburg, Publishing House OSPU, 132 p. (In Russian).

Moiseev B. (2019) *Orenburg regional dictionary*. Epilogue E.N. Bekasova. Orenburg, Orenburg Book Publishing House named after G.P. Donkovtsev, 516 p. (In Russian).

Myznikov S. (2010) Russian dialects of the Orenburg region in a multi-ethnic environment. *Bulletin of the Russian Humanitarian Science Foundation*, no. 1 (58), pp. 187-195. (In Russian).

Pushkin A. S. *Collected works in 10 volumes*. Vol. 9, Letters 1815-1830. Moscow, Goslitizdat, 494 p. (In Russian).

Zelenin D. (1905) On the dialect of the Orenburg Cossacks. *Russian Philological Bulletin*. T. LVI, no. 3-4, pp. 234-245. (In Russian).

Сведения об авторе

Бекасова Елена Николаевна – докт. филол. наук, доцент, профессор кафедры русского языка и методики преподавания русского языка, bekasova@mail.ru

Information about the author

Elena N. Bekasova – grand Ph.D. of Philology, associate professor, professor of department of Russian and technique of teaching Russian, bekasova@mail.ru

Статья поступила в редакцию 26.01.2022; одобрена после рецензирования 17.06.2022; принята к публикации 17.06.2022.

The article was submitted 26.01.2022; approved after reviewing 17.06.2022; accepted for publication 17.06.2022.